

Гоудань и Ван Сюань подробно рассказывали Ли Сы обо всех своих делах, чтобы отец понимал, на что уходит их время. Парни беспокоились: когда они вернутся на учебу в столицу, к старику могут нагрянуть докучливые просители.

— Так и говори всем, что сам делами не заправляешь, а заправляют мои столичные приятели, — наставлял Гоудань.

Больше всего они боялись, что кто-нибудь из деревенских решит влезть в дело и примется качать права, прикрываясь знакомством или родством с Ли Сы.

Ли Сы искренне дивился: надо же, его собственная семья открыла лавку, да еще и целый заготовительный пункт! Тем не менее, намотав на ус слова сына, он зачастил на пустырь, где пока сиротливо ютился их единственный магазинчик. Время от времени он помогал Дачжуану оценивать качество привозимого сушеного сырья и с интересом наблюдал, как рабочие под руководством бригадира Циня возводят длинный ряд двухэтажных торговых павильонов.

Когда Гоудань с Ван Сюанем уехали на учебу, Ли Сы при любой возможности отправлялся на стройку. Прибрался на сушильном току, подмел мусор, но в сами дела никогда не совался. Если Дачжуан с ребятами пытались с ним посоветоваться, старик лишь отмахивался:

— Откуда мне знать такие тонкости? Сами думайте.

Вскоре все привыкли, что отец хозяина не собирается лезть со своими порядками. Старик просто обходил дозором владения: приметит грязь, которую закрутившиеся работники убрать не успели, — сам за метлу схватится, увидит сорняк у порога — тут же вырвет с конем.

Наконец-то в жизни Лао Сы пропала унылая скука. Поутру управившись со своей скотиной, он шел в поселок — поглазеть на стройку да перекинуться словом-другим с местными. К обеду возвращался домой, кашеварил, и каждый день его теперь был наполнен простыми, но приятными заботами.

К этому времени застройщик полностью сдал элитный жилой комплекс, где Гоудань выкупил просторную виллу. Рабочие завершили прокладку труб и электропроводки. Когда Гоудань с Ван Сюанем приехали осмотреть дом, ландшафтные дизайнеры уже закончили высадку декоративных растений. Перед молодыми людьми раскинулся роскошный, утопающий в зелени жилой квартал.

— Денег они явно не жалели, — хмыкнул Гоудань, оглядываясь вокруг. — Смотри, как быстро все закончили!

Даже подъездное шоссе за пределами комплекса уже закатали в новенький асфальт, а высаженные вдоль обочин деревья и кустарники дружно прижились и пошли в рост.

— Отделка великолепная, — согласился Ван Сюань. — Лет десять о ремонте можно вообще не думать.

Дом стоял полностью готовый — оставалось только завезти мебель и отпраздновать новоселье. Оба остались довольны увиденным — лучшего и желать нельзя было.

— Торопиться с переездом не стоит, — рассудил Гоудань. — Пусть дом хорошенько проветрится. Ближе к зиме закупим мебель, тогда и въедем. Все равно мы сейчас то в общежитии пропадаем, то у твоего мастера гостим.

— А на зимних каникулах привезем твоего отца, — подхватил Ван Сюань. — Встретим Новый год здесь, покажем ему наш дом. Заодно и близких друзей позовем, устроим веселое новоселье.

За окном лениво покачивались ветви благородных деревьев, усыпанных гроздьями незнакомых цветов. Застройщик не поскупился на взрослые, зрелые крупномеры — чтобы доставить такую красоту из теплых юго-западных провинций, потребовалась уйма денег и техники. Масштабы чужого богатства заставили Гоуданя невольно покачать головой.

Теперь становилось понятно, отчего здешняя недвижимость стоила баснословных денег. Покупатели платили не только за превосходное качество постройки и ухоженный парк, но и за статус. У многих коттеджей уже красовались дорогие иномарки — контингент тут подобрался не просто состоятельный, а влиятельный. Если бы Гоудань вовремя не подсуетился и не провернул хитрую сделку, о жилье в таком месте он мог бы только мечтать. Подобное соседство дорогого стоило — даже с учетом того, что виллы разделяло приличное расстояние, войти в этот закрытый круг избранных за обычные деньги было невозможно.

Опоздавшим оставалось довольствоваться второй и третьей очередью строительства. Но во второй очереди количество особняков урезали — их тут же расхватили коммерсанты попроще, а третья очередь и вовсе представляла собой высотные жилые дома по ту сторону шоссе. И хотя те многоэтажки тоже проектировались как престижное современное жилье, с уединенной роскошью здешней парковой зоны они не выдерживали никакого сравнения.

Время летело незаметно.

Гоудань вертелся точно заведенный: успевал прилежно учиться, развивать собственное дело и, конечно, любить Ван Сюаня. Тот, в свою очередь, с головой ушел в тонкости традиционной китайской и европейской медицины, пытаясь объединить обе школы, а в свободные часы трогательно заботился о Гоудане — обустривал их быт и баловал домашними наваристыми бульонами.

Так незаметно пролетели еще два года. Если оглянуться назад, трудно было поверить, что четыре университетских года уже позади. Выпускной казался чем-то нереальным. И все же это время не прошло даром — каждый из них успел заложить прочный фундамент для будущих побед.

Наступил 1989 год. Гоудань окончил университет. В этом возмужавшем, уверенном в себе молодом человеке не осталось и следа от привычного образа вчерашнего студента — наивного, тщеславного или робкого перед лицом взрослой жизни. За эти четыре года он закалил характер и приобрел бесценный опыт, превратившись в по-настоящему зрелого мужчину.

Ван Сюань то и дело щелкал затвором фотоаппарата, стараясь запечатлеть каждый момент. За время учебы Гоудань обзавелся огромным количеством знакомств — приятели у него были и в своей группе, и на всем факультете, и даже в других столичных вузах. Ван Сюань порой поражался, откуда у его возлюбленного берется столько сил на общение. Казалось, это был врожденный дар — Гоудань сходил с людьми легко, без малейшего напряжения или фальши.

Неудивительно, что желающих сфотографироваться с Гоуданем выстроилась целая очередь. Большинство студентов в те годы могли позволить себе лишь коллективно скинуться на профессионального фотографа из городского ателье, чтобы сделать пару памятных снимков всей группой. Ван Сюань же явился на церемонию с собственной новенькой камерой и целой сумкой дефицитной пленки. Он без устали снимал Гоуданя одного, с преподавателями, с друзьями, да и совместных кадров они сделали немало. Гоудань прослыл среди сокурсников настоящим богачом, и ребята с шутками и смехом напрашивались в кадр, радуясь возможности получить отличные бесплатные снимки.

— Весь кампус так мантиями и пестрит, — улыбнулся Ван Сюань, переводя дыхание. — Если бы не эти черные балахоны, я бы и не подумал, что у нас в этом году столько выпускников.

— Наборы с каждым годом растут, — согласился Гоудань. — Раньше-то принимали совсем мало. Сейчас министерство требует расширять штаты, ведь университетам нужна свежая кровь. Для нашего вуза планка высока: если упустить лидерство по набору лучших абитуриентов страны, былая слава быстро померкнет. Выпускников в этом потоке действительно прорва. Чуть ли не четверть от всех студентов кампуса разъедется. Жаль только, тебе придется учиться еще целый год.

Поступив в столицу, они и представить не могли, что у их специальностей разные сроки обучения. Программа Ван Сюаня требовала пяти лет учебы вместо четырех.

Ван Сюань мягко улыбнулся и, помолчав, негромко произнес:

— Возможно, даже дольше.

— В каком смысле? — Гоудань удивленно повернулся к нему.

— Пять лет — это только бакалавриат, база, — вздохнул Ван Сюань. — В нашем деле спешка неуместна, ведь речь идет о человеческих жизнях. На самом деле даже после пяти лет практики в больницах вчерашние студенты мало что умеют сами — их приходится долго натаскивать. Я хочу стать по-настоящему первоклассным врачом, а не посредственностью. Мой наставник настаивает на совмещенной программе магистратуры. Так что в общей сложности придется учиться года три, а то и все четыре.

Гоудань долго молчал. Глядя на то, как занервничал Ван Сюань, он шумно выдохнул и покачал головой:

— Значит, мне придется возвращаться в провинцию одному?

— Брат Гоудань, а может, ты останешься в столице? — с надеждой спросил Ван Сюань. — С твоими оценками и связями тебя без проблем распределят при университете.

Гоудань покачал головой:

— Нет, я уже подписал согласие на распределение в наше провинциальное Управление промышленности и торговли. Буду работать в столице провинции. Зато подчинение напрямую областному руководству, да и место теплое. Для начала карьеры — отличный вариант.

Оба приуныли. Разлука казалась неизбежной: мало того, что не удалось выпуститься одновременно, так еще и судьба разбрасывала их по разным городам.

— Ничего страшного, — ласково улыбнулся Гоудань, заметив, как помрачнел любимый. — Железную дорогу сейчас вовсю модернизируют, да и простым гражданам теперь разрешили летать на самолетах. Буду навещать тебя при первой возможности.

— Хорошо, — тихо отозвался Ван Сюань.

Сбросив грустные мысли, они обнялись и не торопясь прошли по памятным местам студенческого городка, ловя последние мгновения безмятежной юности.

— Пока учились, только и думали, как бы быстрее этот ад закончился, — вздохнул Гоудань. — А теперь даже как-то тоскливо.

— Все твои соседи по комнате разъезжаются по домам?

— Почти все. Только Се Сыюэ остается в университете. Из него выйдет отличный преподаватель — парень дотошный, усидчивый, любит докапываться до самой сути. Начнет ассистентом на кафедре и сразу пойдет в аспирантуру. Представляешь? Столько лет за партой от звонка до звонка — и все мало! Нет, я бы точно так не смог. Студенчество — золотая пора, но тратить лучшие годы исключительно на книжки — это же сколько упущенной выгоды!

Столько денег можно заработать за это время.

— Дэн Цзяхуэй за последние пару лет тоже неплохо поднялся на наших делах, — продолжил делиться мыслями Гоудань. — Ему даже жаль бросать эту подработку. Честно говоря, из него вышел бы первоклассный коммерсант. У него есть то самое чутье и голодный азарт, без которых в бизнесе делать нечего. Только с таким настроем можно расширять дело и забирать рынок. Но он твердо решил возвращаться к себе: говорит, долг зовет, надо родителям помогать. Эх, такой талант пропадает!

— А Чжао Шэн наверняка опять пустил слезу? — улыбнулся Ван Сюань. — Во время съемки кривлялся громче всех, а под конец небось расклеился?

— В точку! — рассмеялся Гоудань. — Этот болтун только с виду непрошибаемый сплетник, а на деле — душа нараспашку, чуть что — сразу в слезы. Зато Ван Фан сияет как начищенный таз: ему досталось отличное место, так что он спит и видит, как бы поскорее собрать чемоданы и уехать. Что до Чэнь Вэньлая — у него семья со связями, да и сам он парень не промах, хваткий, сообразительный. Уверен, далеко пойдет.

— Все о других да о других, а сам-то? — лукаво прищурился Ван Сюань. — Помнишь, как твердил, что терпеть не можешь начальников над душой и мечтаешь сам себе быть хозяином? До воротилы бизнеса ты пока не дорос, но крепким предпринимателем тебя уже точно можно назвать.

— Все верно. Формально я мог бы зацепиться в столице. Но знаешь... когда мы только приехали сюда из нашей глухомани, пределом мечтаний казалась та самая железная чашка риса — стабильная зарплата, на которую можно досыта наесться мяса и закупить сладостей. А теперь я понимаю, что способен на гораздо большее. Я возвращаюсь домой, потому что у меня там масштабные планы. Не переживай, прозябать в пыльной конторе я не собираюсь. Мой характер ты знаешь: я под чужую дудку плясать не умею. На госслужбе новичков ни во что не ставят — любой мелкий чинуша считает своим долгом помыкать молодым специалистом. Долго я там точно не выдержу.

Прощальный банкет гремел на всю округу. Похорошевшие за годы студенчества девушки рыдали навзрыд, не заботясь о потекшей туши, а парни, изрядно набравшись хмельного, орали песни во все горло. Кто-то, обнимая за ноги собутыльника, жалобно бормотал что-то бессвязное, а самые смелые, набравшись хмельной храбрости, бросились признаваться в любви тем, по кому тайно вздыхали все четыре года. Шум стоял невообразимый.

Куратор группы махнул на происходящее рукой. В конце концов, перед ним стояли уже не дети, а взрослые люди за двадцать, многие из которых превосходили его ростом и статью. Студенческие запреты остались в прошлом: пускай пьют, влюбляются и устраивают личную жизнь — теперь им никто не указ.

Каждый понимал: завтра они разъедутся по разным уголкам необъятной страны и, скорее всего, больше никогда не увидятся. Это было их последнее безумное торжество. Завтра все прежние обиды, невысказанные чувства и тайные надежды развеются как дым, оставив лишь легкую щемящую грусть.

Пьяные признания сыпались градом не ради взаимности — глупо было надеяться на чудо у самого порога разлуки. Людям просто хотелось наконец сбросить грустную недосказанность, выговориться перед тем, как навсегда попрощаться.

Здесь студенты были лучшими умами страны, амбициозными и взрослыми. Влюбленности и флирт, разумеется, случались, но за все четыре года крепкие пары сложились у единиц. Все прекрасно понимали суровую реальность: если вы не земляки из одного уезда, то даже распределение в одну провинцию — огромная редкость.

Поэтому большую часть времени ребята грызли гранит науки, из кожи вон лезли ради дипломов с отличием и звания лучшего выпускника — только это гарантировало путевку в приличное ведомство. Любовь в те суровые годы оставалась непозволительной роскошью, которой мало кто решался пожертвовать ради призрачного будущего.

— Ли Кай, можно пригубить с тобой? — раздался робкий женский голос. — За твои будущие успехи.

Перед ним стояла культорг класса Чэ Цюн. За четыре года в Пекинском университете вчерашняя провинциалка превратилась в утонченную городскую красавицу: стильное новое платье, едва заметный макияж, подчеркивающий разрез глаз, и изящные манеры. Она выглядела очаровательно.

Гоудань тепло улыбнулся:

— Спасибо, Чэ Цюн. И тебе легкой дороги. Распоределилась уже? Куда направляют?

— Да, все решено, — кивнула девушка. — Родители настояли, чтобы я вернулась поближе к дому. Говорят, так спокойнее, под присмотром буду.

— Оно и верно, — согласился Гоудань. — Девушке одной в чужом городе тяжело, родители за тебя извелись бы.

В глазах Чэ Цюн блеснули слезы. Она грустно улыбнулась:

— Ли Кай... А ты ведь необыкновенный человек.

Все четыре года она пыталась обратить на себя его внимание, то робко намекая, то действуя более открыто. Но Гоудань упорно держал дистанцию, а под конец и вовсе свел общение к

минимуму. Девушка давно поняла, что совершенно его не интересуется.

И все же с самой первой встречи она не могла выбросить его из головы. Было в нем нечто притягательное, дикое, какая-то первобытная уверенность в себе и сила, которую невозможно не заметить. Ли Кай так и лучился магнетическим обаянием.

Она все понимала, но то ли выпитый алкоголь ударил в голову, то ли общая тоскливая атмосфера прощания нахлынула, но на душе вдруг стало горько и обидно. Чэ Цюн отчаянно хотелось спросить: неужели она настолько дурна собой, что он даже не смотрел в ее сторону? Ради него она готова была бросить родные края и поехать на край света...

Заметив этот влажный блеск в ее глазах, Гоудань мысленно забил тревогу. Он поспешно поднял свой бокал и залпом осушил его, после чего с шутливым поклоном перевернул доннышком вверх — ни капли не пролилось.

— Мой кубок пуст! А ты что же отстаешь? — весело подмигнул он, пытаясь разрядить обстановку.

В общении с противоположным полом Гоудань всегда чувствовал себя как на минном поле. Женские слезы вводили его в ступор. Понятно, что расставание — штука грустная, но тут явно пахло не просто дружеской сентиментальностью. «Не хватало еще, чтобы ребята решили, будто я довел девчонку до слез», — с тревогой подумал он.

Чэ Цюн удивленно моргнула, и слезы мигом высохли. Она мысленно вздохнула: «Ну и сухарь. Видимо, не судьба».

— Ну и слепец же ты, Ли Кай, — фыркнула она в сердцах.

Еще бы! Такая красавица все четыре года крутилась у него под носом, сама шла на контакт, а он хоть бы бровью повел. Настоящий чурбан неотесанный!

Впрочем, злости она не затаила — пришло облегчение. Через пару дней пути их разойдутся навсегда, так к чему беречь душу? Никаких клятв они друг другу не давали, обычная студенческая влюбленность. Переболит и забудется.

Гоудань широко улыбнулся:

— Зрение у меня отменное, уж поверь! Ладно тебе, пей давай, а то подумаю, что ты меня просто так спойть решила.

— Всю жизнь бобылем куковать будешь с таким-то подходом, — шутливо пригрозила Чэ Цюн, осушив свой бокал.

— Ну, это мы еще посмотрим, — загадочно усмехнулся Гоудань, мысленно вспоминая теплые глаза Ван Сюаня.

На следующее утро общежитие напоминало лазарет. Те, кто сумел разлепить глаза, пластом лежали на кроватях, мучаясь от жуткого похмелья и не в силах пошевелиться.

Вот и все. Учеба закончилась. Впереди ждала взрослая, самостоятельная жизнь.

Грусть расставания лишала сил. Ребята вяло собирали вещи, подолгу зависая над полупустыми чемоданами. Каждое брошенное вскользь слово казалось теперь важным и ценным, а бывшие студенческие раздоры и обиды мгновенно испарились, показавшись глупыми и ничтожными.

Гоудань тоже паковал коробки. В отличие от остальных, ему не нужно было штурмовать кассы в поисках билетов на поезд. Он планировал перевезти основную часть вещей в их новую усадьбу в Поместье Изумрудного Сада, а на место службы в провинциальный центр отправиться налегке, прихватив лишь небольшой дорожный саквояж.

До начала государственной службы оставалось еще пару недель, и это время Гоудань намеревался полностью посвятить делам своей столичной фирмы.

За прошедшие годы его крошечные торговые лавки превратились в крепкую компанию среднего звена, требовавшую постоянного контроля. Да и заготовительный пункт на родине давно перерос прежние рамки: пора было переводить дело на официальные рельсы, расширять штат и склады. Двухлетний опыт доказал, что они готовы к серьезному рывку.

Гоудань до сих пор порой удивлялся, как им удалось зайти так далеко. Ведь у руля заготовительного филиала стояли деревенские парни — его школьные товарищи, не имевшие ни престижного образования, ни широкого кругозора. Да, они набивали шишки, ошибались, но под его чутким руководством учились на собственном опыте и упорно шли вперед.

Они думали головой, анализировали неудачи и делали выводы. Это лишний раз убедило Гоуданя: безнадежных дураков не бывает. Получив от него полную свободу действий, ребята обрели уверенность, не боялись рисковать и принимать решения. В итоге их филиал рос как на дрожжах. Любому человеку просто нужен шанс и капля доверия — и тогда он способен горы свернуть.